

ГРУСТНАЯ КОМЕДИЯ

Что оставят после себя олигархи

ПЁТР АВЕН — весьма любопытный представитель постсоветского олигархического пула. Кажется, он действительно любит искусство и что-то в нём понимает. И вот решил он недавно уложить свою коллекцию русской живописи и декоративно-прикладного искусства в Латвию. На него обрушилась критика. Вообще, все эти занятые и сентиментально-жесткие альфа-банковские шизики, кажется, уже не очень понимают, что происходит в нашей стране. Они уже какие-то безнадёжно "мимо". И Петра Авена ожидаемо обвинили в том, что он, по сути, вывозит национальное достояние в какую-то убогую и ненастоящую заграницу, жуткое захолустье, которое никакое: и не Европа, и не Евразия. Я бы не был столь категоричен.

С русским искусством всё в порядке. У нас другая проблема: русские украли собственное искусство у всего мира. Украли и сногшибательный, безумно разный XIX век, и космический русский авангард, и заперённое великое советское искусство, и прекрасный XVIII век с его гениями портрета — Рокотовым и Левицким, и даже иконописи — уж сколько у нас было писано икон, уж сколько их правдами и неправдами переправляли за границу, но всё равно всё самое главное осталось у нас в стране. Русские не создали рынок своего искусства. Русские не обеспечили необходимую оборачиваемость своего искусства, не обеспечили должную ликвидность, не по-

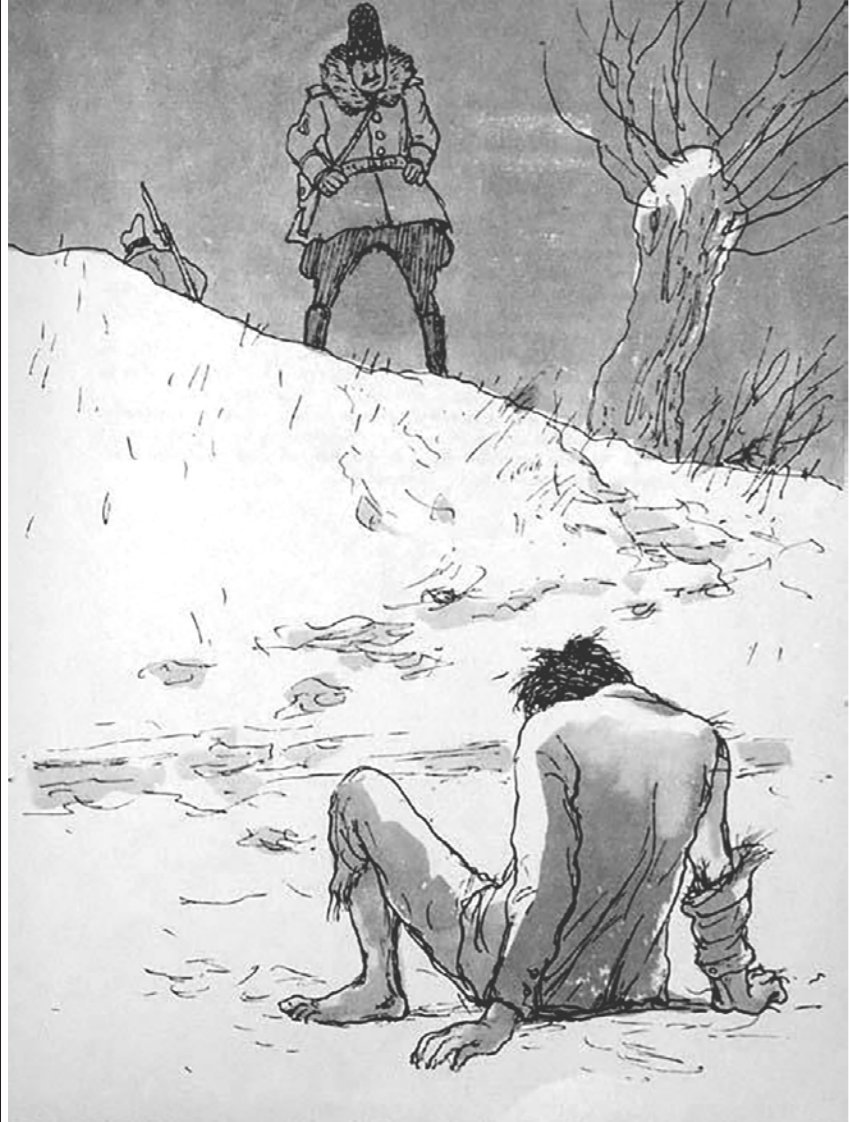

Рисунок КУКРЫНИКОВ к роману Ильфа и Петрова «Золотой телёнок»: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придётся переквалифицироваться в управдомы»

старались построить инфраструктуру по созиданию и поддержанию капитализации отечественного искусства, символической и монетарной. Все эти компетенции мы в себе не развивали, а потому художнические репутации приходили и приходят к нам из Лондона и Парижа, Нью-Йорка и германоязычных городов. И для нормальной работы рынка, для прекрасных удивлений и открытий будущих энтузиастов нашего искусства мы не обеспечили необходимого количества оборачиваемых на рынке памятников. Даже с легко оборачиваемой и ликвидной советской гравюрой у нас как-то не очень задаётся.

Не скрою, недостаточность русского искусства в мире — это плохо. Я в этом уверен. Мы украли у всего мира Филонова, Гончарову и весь второй и третий ряд русского авангарда. Мы украли у всего мира Репина и вообще всех передвижников — роскошных, высококультурных и ещё толком не открытых, жутко оригинальных для своего времени, имеющих право встать в один ряд с такими всемирными "брендами" русской культуры, как Достоевский, Чехов и Толстой.

Что значит "украли"? Наши музеи буквально переполнены отечественным искусством. Всё просто невозможно показать и даже отреставрировать. У нас оно чашнет. Наши ленивые искусствоведы не создали ни одного каталога-резоне отечественного художника. Ни одного! И своих силёнков нашим не суверенным и не любопытным гуманитариям не хватает на то, чтобы создавать артистические репутации художников, работать со вторым и третьим рядом в истории нашей живописи.

В свете вышесказанного упрекать Петра Авена в вывозе за рубеж коллекции я не стану. Всё главное из русского искусства надёжно осело на Родине в прекрасных государственных собраниях. Нашего туземного олигарха я хотел бы упрекнуть в неамбициозности. Даже в какой-то немного жалкой неприкаянности. Есть в его жесте что-то жалкое. Нет в нём амбиций, размаха, полёта.

Послать русскую коллекцию в провинциальной, жалкой и убогой Латвии — это даже немного комично. Это какое-то дешёвое и скучное, прямолинейное и одноимённое копирование паттерна Синбрюхова, создавшего в провинциальном Хельсинки более или менее приличный музей. Но даже Финляндия, при всей её заштитности и провинциальности, — это хоть что-то. Какая-никакая страна с хоть какой-то более или менее приличной историей и государственностью. Но Латвия... Вымирающая недострана, не способная сгенерировать хотя бы какой-то турпоток. Для кого будет этот музей? Для убогой колонии нашей плохо образованной и сдвинутой на копеечном бабле беглой либизизы? Но эта сомнительная публика в музеи не ходит. Для откровенно фашиствующей националистической латышской публики? Так эти дремучие дикири с их этнократией такого искусства не оценят. У них уже атрофировались рецепторы для восприятия такого искусства. А более или менее вменяемые жители Латвии скоро или вымрут, или окончательно уедут. Ну и Рига... Не знаю. Видимо, это предел мечтаний когда-то дерзкого русского олигарха.

Для меня этот жест эстета-олигарха — скорее симптом нашей постсоветской олигархической фауны, заслуживающей пристального рассмотрения. Это поразительно, но постсоветские русские олигархи почти ничего после себя не оставят. Они обозначат почти абсолютную свою бесследность в нашей истории. Чудеса! Люди обладали невероятными ресурсами и возможностями, и... ничего! И пустота. От этих людей не останется ничего. Они будут наказаны забвением и бесследностью. Эти люди делают буквально всё для того, чтобы их надёжно забыли. Их состояния отнимут стервятники покруче. А то, что не отнимут, бездарно растратят их плохо воспитанные дети. Жалкий конец. Незавидная участь.

И даже те немногие, кто что-то важное понял о времени и памяти, всё равно не оставят следа. Скорее всего. Рискуно предположить, что может случиться с собранием Авена: государство его не экспортирует, но вполне может принять такие законы, по которым значимые объекты мирового искусства нельзя будет вывозить из страны. А продать его будет уже толком нельзя. И это будет такое запложничество коллекции. А потом собрание вполне может перейти латвийскому недогосударству, и экспонировать будут только рижский посткузнецовский националистический фарфор межвоенного периода, а всё остальное будет отправлено в запасники. Как искусство русских "окупантов" или как сексистское, доминантное, гендерно неправоильное. И останется от Петра Авена пшик. И окажется, что не было Петра Авена на земле. И никакие миллиарды не помогли ему обмануть время. И ведь такой сценарий не невозможен.

Хочется спросить Петра Авена: а почему не Лондон? Ведь весь этот олигархический зоопарк любит Лондон, живёт там, что-то такое мутное там делает, или не делает, а потребляет, пребывает в роскошном дауншифтинге, иногда отбывая на денежные сафари в Россию. А русского искусства в Лондоне не так много. Что-то из декоративно-прикладного искусства есть в Музее Виктории и Альберта и в Британском музее. Есть там даже шедевральные вещи, но очень немного. Что-то из русского авангарда есть в галерее Тейт. Сколько-то образчиков портретной живописи и Фаберже есть в Королевской коллекции. Кажется, Регин имеется даже в Национальной галерее, но находится ли он на постоянной экспозиции, я не знаю. А вот некоего серьёзного, большого публичного собрания русского искусства в Лондоне нет. А можно было бы создать. А можно было бы замахнуться. А можно было бы посягнуть. Или где-нибудь в Голландии. Наверное, это очень дорого. Но игра стоит свеч.

Но случилась... Латвия. Но останется имя благодетеля — русского олигарха в заслуженном и сотворённом его собственными руками забвении. И пусть его пожалует хоть кто-то. Для того, чтобы жалеть русских олигархов, действительно нужно какое-то особенное христианское чувство. Их жалеть очень трудно. И испарится память о русских олигархах словно и не было их. А может это и правильно? А может туда им и дорога?

Евгений ФАТЕЕВ

В Донецке с концертом выступил всемирно известный джазовый саксофонист, композитор, импровизатор Сергей ЛЕТОВ. В ДНР он приехал впервые. Наш корреспондент встретился с Сергеем и поговорил с ним о музыке, его брате Егоре Летове и Донбассе.

"ЗАВТРА". Сергей Фёдорович, что привело вас в Донецк?

Сергей ЛЕТОВ. Меня пригласил директор Донецкой филармонии Александр Парещкий. Мне давно хотелось посетить ДНР. Первый раз я собирался сюда в 2014 году, но тогда поездка не состоялась по не зависящим от меня причинам. Далее поступали приглашения, но организаторы, насколько я понял, не имели достаточных полномочий в разрешении каких-то вопросов — например, в вопросе пересечения границы. Отмечу, часто зрители понимают превратно, что музыкант, если захотел поехать в какой-то город с концертом, то взял и спокойно приехал. Нет. Принимающая сторона должна пригласить, решить организационные вопросы. А дело музыканта — выйти на сцену.

"ЗАВТРА". Расскажите о программе, с которой вы приехали в Донецк.

Сергей ЛЕТОВ. Вместе с моим коллегой, вибромфонистом Владимиром Голоуховым мы выступили с концертом в двух частях. Первая — это околорджазовая программа. Вторая — аккомпанемент к фильму 1911 года "Оборона Севастополя". Отмечу, что это первый полнометражный русский художественный фильм. А режиссёром его выступил уроженец как раз Донбасса — Александр Ханжонков. Бывший казачий офицер, основатель первой в России киностудии.

"ЗАВТРА". Как долго вы пробыли в Донецке?

Сергей ЛЕТОВ. Два дня. В первый день прошла творческая встреча, во второй — выступление. Кстати, первоначально я планировал показать только фильм, считал странным и неуместным играть в военном городе позитивную гедонистическую музыку. Но Александр Парещкий настоял, чтобы был ещё и концерт. Какое-то время я оценивал на эту идею скептически, тем более, прежде я ни разу не совмещал в рамках одного выступления две разные программы. Но в конце концов согласился. А пройдя по улицам Донецка, понял, что это, наверное, правильно. Сначала меня свозили в прифронтовой Киевский район, где я увидел взорванный мост, ведущий к аэропорту, разрушенную торгово-промышленную палату, повреждённые после обстрелов здания. А потом прошёл по бульвару Пушкина в самом центре и увидел мамаш с колясками, детей, играющих в песочницах, открытые веранды кафе, девушек, одетых по последнему пиксу моды, и понял, что жизнь берёт своё, жизнь продолжается, и она сложнее наших представлений о ней.

"ЗАВТРА". Я знаю, что вы с Владимиром Голоуховым сопровождение фильма отнимаете от того, к чему все привыкли: тапёр, игра на рояле...

Сергей ЛЕТОВ. Да, мы озвучиваем кино не традиционным образом, у нас нет сентиментальных и пошлых мотивчиков. Мы играем авторскую музыку, используем современные инструменты, преимущественно — электронные. Частично у нас есть заготовки, но в основном это — импровизация. В итоге создаётся широкая звуковая палитра, напоминающая, скорее, современное кино, чем ретрофильмы. При этом у нас нет стремления привлечь внимание именно к музыкальной составляющей, наша задача — чтобы человек был захвачен происходящим на экране действием, чтобы воспринимал его как живое кино.

"ЗАВТРА". В Донецке вы бывали прежде?

Сергей ЛЕТОВ. Был в 2011-м, выступил тогда вместе с очень интересной концептуальной панк-группой "Цирроз". Позже был концерт электронной музыки, где я играл с молодым талантливым гитаристом из Харькова Максимом Тряновым — контакт с ним сейчас, увы, потерян... Кстати, за день до приезда в ДНР я посетил в Москве открытие выставки, посвящённой памяти сооснователя группы "Гражданская оборона" Константина Рябинова, и повстречал там лидера группы "Цирроз", он теперь живёт в Москве.

КИНО И ДЖАЗ

Беседа с музыкантом Сергеем ЛЕТОВЫМ

"ЗАВТРА". Как вы пересекли границу, кстати? Без проблем? И какие первые впечатления были от донбасской земли?

Сергей ЛЕТОВ. Российская сторона нас долго не пропускала. Смотрели документы, потом их ксерокопировали, потом долго звонили кому-то и долго с кем-то разговаривали, потом что-то записывали — на это ушло около часа. Хотя мы предъявили договор с Донецкой филармонией, сказали, что едем работать. Возможно, эти проволочки связаны с ограничениями из-за пандемии... Что касается Донбасса — обратили на себя внимание подрабятые дороги, по крайней мере, на участке от Новоазовска до Тельманово: в России уже мало где встретишь такие дороги. Блопксты на трассе. Что ещё? Фазаны, бегущие по дорогам. В России они не бегут так свободно. О чём это говорит? Мало охотников. Жизнь другая...

"ЗАВТРА". В Донецк и Луганск, несмотря на то, что эти республики семь лет живут в условиях военного времени и нуждаются в поддержке, приезжает мало музыкантов — единицы. Как вы к этому относитесь?

Сергей ЛЕТОВ. Скажу так: для музыкантов на первом месте стоит всё-таки музыка и возможность реализовываться на этом поприще. Музыка — их хлеб, их смысл жизни. Как-то я предложил своей приятельнице, замечательному музыканту, съездить с концертом в Крым. Она категорически отказалась. Почему? "Там нет нужного для меня инструмента", — ответила она. — А на Украине есть. Я сейчас съезжу в Крым, и сразу закрою себе большую площадку для выступлений". То есть у человека страдают интересы, он не хочет наступать на горло собственной песне. Идеология для большинства музыкантов не в приоритете, они редко политизированы. Поэтому я бы не стал осуждать их... Ну, и в каких-то случаях не нужно забывать про чувство стадности. Не все — нонконформисты, не все могут высказать своё мнение, не оглядываясь на остальных и не боясь стать изгоем. Если говорить про себя, то моё сердце, безусловно, на стороне жителей ЛНР и ДНР.

"ЗАВТРА". Вы известны в первую очередь как исполнитель фри-джаза и свободной импровизации. Музыка эта сложная, элитарная. А вам хватает слушателей?

Сергей ЛЕТОВ. В России моя аудитория, к сожалению, ограничена. Именно по этой причине последние 20 лет я пытаюсь выйти из этой своей тесной скорлупы. В Москве на мои концерты приходит 200 человек. Ещё какое-то количество в Санкт-Петербурге. Поэтому нужно, что называется, идти в народ, играть больше конформистскую музыку. Но даже в эти программы я стараюсь обязательно внедрить отдельные элементы фри-джаза и свободной импровизации. Если бы я жил где-нибудь в Германии или Англии и меня поддерживал бы Институт Гёте или Британский совет, я бы имел определённую подушку финансовой безопасности и занимался бы только тем, чем хочу. У нас в стране такой государственной поддержки нет.

"ЗАВТРА". Вопрос ограниченной аудитории — это вопрос недостатка музыкальной культуры?

Сергей ЛЕТОВ. Я не устаю повторять, что русская культура — логоцентрична. То есть для нас главным является слово, а не какой-то другой образ. Причём, слово осмысленное. Когда мы говорим: "Бог в правде", то имеем в виду, что за этим словом, за этим логосом должен стоять определённый смысл, связанный с этикой. А, к примеру, та же западноевропейская культура больше апеллирует к миру образов — визуальных и звуковых. По этой причине в этих странах, особенно в германоязычных, музыкальная культура развита очень высоко. Когда я в первый раз побывал в Австрии и поговорил со слушателями, то понял, что там ничего нельзя отнять. Все музыкальные грамотные, все знают ноты, умеют играть на двух-трёх музыкальных инструментах.

А у нас ведь часто во время концерта ты ликвидацию безграмотности устраиваешь. Мои концерты в России — это больше попытка дать слушателю то, что выходит за рамки той пусной джавы, которой переполнены радио и ТВ.

"ЗАВТРА". Вопрос про вас и брата. Рождение в одной семье дух совершенно выдающихся, каждый в своей сфере, музыкантов — выходящее из ряда вон явление, вам не кажется?

Сергей ЛЕТОВ. Может, это результат мутаций? Мои родители до переезда в Омск жили в Семипалатинске, рядом с которым действовал крупнейший в стране полигон ядерных испытаний, и получили серьёзное облучение. Моя мама умерла от рака, бабушка умерла от рака. Мы с братом всё детство провели в больницах. Причём, Игорь из-за болезни даже не сдавал в школе экзамены, сразу получил "белый билет" от армии... А если серьёзно — мы родились в семье, где главной ценностью были книги. Меня, допустим, в детстве, если хотели наказать, то запрещали читать, потому что ничем другим пронаять было невозможно. С детства я занимался в музыкальной студии и стал примером для брата. Не знаю, может быть, сочетание всех этих факторов сказалось...

"ЗАВТРА". Как бы вы охарактеризовали брата, какие были его главные черты?

Сергей ЛЕТОВ. Чрезвычайная организованность и дотошность во всём. Игорь был крайне разумным, пунктуальным, последовательным человеком. И я считаю, что он всё-таки один из выдающихся поэтов XX — начала XXI веков, гений русской литературы. При этом надо понимать, что поэзия его облучена не в привычную нам литературную форму, а ту форму, которая была присуща поэзии на заре её зарождения, в те времена, когда её исполняли лирики. Считаю, Игорь — это как раз рождение той синкретической, лирической и героической поэзии в её античных формах.

"ЗАВТРА". В чём, по-вашему, главный феномен "Гражданской обороны", почему она столь популярна, находит столь широкий отклик?

Сергей ЛЕТОВ. Я тут повторю слова лидера группы "ДК" Сергея Жарикова. Игорь смог найти внутреннего подростка в каждом человеке, и обратиться к нему через свои песни.

Вопросы задавал Сергей ПРУДНИКОВ

«...РОССИЯ, ЛЕТА, ЛОРЕЛЕЯ»

«Мечты о свободе» в Новой Третьяковке

В СТИХОТВОРЕНИИ "Декабрист" Осип Мандельштам не для пущей лепоты задеиствовал это странное триединство — Россия, Лета, Лоредея и добавил "подругу рейнскую, вольнолюбивую гитару". Образованный человек рубежа XVIII и XIX веков был, если не германофилом, то неременным знатоком, поклонником Гёте, Шиллера, Гейне, а заодно — северо-немецкой готики и загадочного европейского средневековья. Ich weiß nicht, was soll es bedeuten... — рейнская златовласка Lorelei губила мужчин своим пением и те канули в реку забвения — Лету, притворившуюся Рейном.

А что на Рейне? Дойчланд в те годы не была "убер аллес" и не ассоциировалась с "дранг нах остен", да и галантный король Фридрих Великий давно почивал в могиле, чуть-чуть потревоженный Бонапартом, устроившим церемонию у надгробия своего кумира. Наполеон бодро шествовал по Германии, с удовольствием топча земли перепуганных курфюрстов. Вместе с тем, его сапоги теперь хранятся в Дрездене, как память о тотальном ужасе и — грандиозном освобождении. Поэтому выставка, проходящая в Новой Третьяковке на Крымском валу, именуется "Мечты о свободе" с подзаголовком: "Романтизм в России и Германии", а сапоги неистового корсиканца — одна из главных "изюминок" экспозиции. Проект масштабен. Здесь и картины — известные и проходные, и оружие, и удивляющие артефакты, вроде рисунка, сделанного императором Николаем I, к слову, не чуждым романтики и называвшим свою жену Шарлотту Прусскую не иначе, как "белая роза". Тут же — знакомые ещё по школьным учебникам силуэты и росчерки Пушкина.

Рассказы о художниках и поэтах продолжены историями декабристов, как бы говоря нам: "Вот, куда уводят мечты!" Лоредея коварна. Декабризм — это не столь французское вопльерство в сочетании с русской "традицией" дворцовых переворотов, сколь грёза о буре. Одна из наиболее запоминающихся картин выставки — вещь Максима Воробьёва "Дуб, раздробленный молнией". Автор умиротворяющих и прозрачных пейзажей, Воробьёв точно выразил идею романтизма: красивая, изысканная гибель, как вершина смыслов. Декабризм тоже вырос из надлома, который хотел стать натиском.

Учителя словесности убеждали, что Онегин имел все задатки будущего декабриста. Ничуть не он. Идеалист-романтик нашей полосы — Владимир Ленский. Над ним, по сути, подтрунивал поэт, создавая "типичного представителя". Немецкое образование, цитирование философских трактатов, поэзия, экзальтация и "кудри чёрные до плеч". Но тут же — вульгарная Ольга с её округлым лицом и вздорно-кокетливой натурой. Пушкин сжалился над восемнадцатилетним недо-Вертером, убив его на взлёте, пока тот не превратился в толстого помещика-рогоносца, что рядом с приземлённой и ветреной Ольенькой было бы вполне закономерно. Но мог бы и в тайное общество рвануть. И на Сенатскую. Романтик обязан погибнуть в молодые лета или пострадать за грёзы на каторге. Иначе — банальность и протухание.

На холсте Николая Подключникова — иконописца, реставратора и мастера интерьеров — интеллектуалы в своём кругу. Перед нами — учёный, врач Алексей Филомафитский и его гости. Если приглядеться — все разобщены и каждый мыслит о своём-прекрасном. На стене — копия рафаэлевой Мадонны, одного из культовых шедевров для продвинутого романтика. Сию Мадонну "открыли" и оценили только в середине XVIII века, а к 1810–1830 годам она сделалась предметом для поклонения. "Исполнилось мое желание. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец", — признавался Пушкин, сравнивая свою Натали с благоуханной девой Ренессанса. На выставке можно увидеть вариации на тему Сикстинской Богоматери — её писали с разной степенью толковости во всех европейских странах — для украшения "философических" кабинетов. Здесь мы наблюдаем копию русского художника Алексея Маркова — он, получив золотую медаль от Академии художеств, учился за границей и в 1832 году скопировал великое полотно.

Рядом с рафаэлевой Марией — произведения уникального автора Алексея Егорова, писавшего в манере Возрождения и до такой степени прославившегося, что папа Пий VII звал его в Ватикан. Однако Егоров предпочёл остаться на родине. Он был до того искусен, что как-то раз нарисовал фигуру единым росчерком, начиная с большого пальца левой ноги. Любимец Александра I, он попал в опалу при Николае Павловиче — царю решительно не нравились образы Егорова — слишком чуждые русскому духу, а потому чудеснейший мастер ушёл в тень и пребывал в печальной безвестности.

В чертах у Ольги жизни нет. / Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне", — усмехался Онегин, показывая, что для тогдашнего ценителя не все мадонны были одинаково чудесными, и типах, сотворённый Антонисом ван Дейком, вышел пустым. Евгений признаётся, что на месте Ленского он выбрал бы другую — Татьяну, непонятную, пулгивоизящную, с римским именем, восходящим к Titus Tatius.

Подражание эпохе Кватроченто — лучший метод. Теодор Ребенциг — роскошный тому пример. Вычлвившись на юриста, он всё-таки выбрал искусство. Его аллегорическая вещь "Италия и Германия" живописует девушек, взятых напрокат у божественного Леонардо с лёгким намёком на Боттичелли и Фра Филиппо Липпи. Шатенка-Италия покровительствует блондинке-Лорелее, северной сестре, обязанной преодолеть варварство, но если Италия смотрит грустно и у неё "всё в прошлом", то

Германия взирает оптимистично и — куда-то вдаль. Романтики Рейна верили в пангерманизм и светлое будущее под эгидой возвышенного тевтона. И всё это придёт чрез благородное страдание.

Тогда формировался и новый взгляд на религию. Остро переболев атеизмом французского Просвещения, общество изумилось волшебному очарованию библейских текстов. В них заключалось всё: и чудо, и погибель, и воскрешение. На выставке — целый раздел, посвящённый Александру Иванову и "Явлению Христа народу", хотя само гигантское полотно осталось на своём месте — в старой Третьяковке. Тут представлен один из удачных эскизов. Рядом — античная прелесть "Аполлон, Гиацинт и Кипарис", а ещё — с восторгом писанная ветка на фоне жаркой синевы.

Для романтиков было характерно стремление на юг. Впрочем, это — извечная тяга северян к ярким цветам и фруктам, древним руинам и утончённой игре ума. Восток, Эплада и, конечно же, Италия.

"Кто знает край, где небо блещет / Неизъяснимой синевою, / Где море тёплого волной / Вокруг развалил тихо плещет?" — риторически вопрошал поэт. Тут во всём — пламень творчества, и даже водонос поёт, как оперный тенор, а сборщицы винограда — истые Венеры. На экспозиции представлен ряд итальянских пейзажей — с римскими древностями и без оных, — и, конечно же, не обошлось без Карла Брюллова. Портреты чернокожих сеньорит — в национальных костюмах и светских платьях по моде 1820-х — перемежаются с зарисовками из жизни папухов, торговков и возничих. Однако же солнце и ласковая синь моря — лишь отдохновение и забытьё. Душа изнывает по недостижимому идеалу! Романтик — мечется.

Помимо эстетически-выверенной смерти или иного мучения для него имелся ещё один пассаж — драматическая единённость, как на картине Каспара Давида Фридриха "Странник над морем тумана" — к сожалению, этой вещи нет на выставке — по словам устроителя, она редко покидает Hamburger Kunsthalle. Зато есть множество иных работ славного немца. Автопортрет явлен вместе с изображением его друга — Василия Жуковского. Их лица интересно сравнить: горячая страстность Каспара и тихая мечтательность Василия Андреевича, притом что оба гения обращены внутрь себя — классический романтизм интroversен, в отличие от романтизма советского, направленного только вовне. Персонажи Фридриха не хотят взаимодействовать со зрителем — они либо погружены в думы, либо — в общение, из которого они тут же исключают всех окружающих. Редчайший приём — развернуть героя спиной. Это не только знаменитый путник, но и влюблённая пара "На паруснике", и двое мужчин, созерцающих луну.

Вообще луна — частая гостья в мастерской романтика. В связи с этим забавен пассаж Онегина, связывшего, что Ольга подобна глупой луне. Полнолуный мир призрачно-волнующ в серебристом, надменном сиянии. "Лунная ночь в Неаполе" Сильвестра Шедрина — глубина черноты, пронизанная бледными лучами. Силуэты зданий, вода, кто-то жжёт костёр на берегу. А вот — городской пейзаж скандинава Юхана Кристиана Далья "Дрезден при свете полной луны". Норвежец по крови и датский подданный, Юхан Даль входил в избранный круг Каспара Давида Фридриха и был женат на немке — фройляйн фон Блок. Даль считается основоположником национального пейзажа, но как водится, тяготеет к Лорелям, предпочитая жить в Саксонии. Впрочем, и умер он там же. На его дивном полотне мы видим город, погружённый в тайну. Час русалок, фей и колдунов. Но, если приглядеться, всё по-житейски обыденно — купание копей в Эльбе и чья-то неясная фигурака.

Человек в творчестве романтика — отнюдь не центральный объект, он — деталь. Поэтому ведущий жанр — пейзаж. Туда, под сень дубрав, уходит и сам художник, и его лирический герой. Распространены виды из окон — автор любитесь природой, строениями, небом и вовсе не хочет покидать свою комнату. "Вид на Дрезден" Карла Готфрида Фабера — это взгляд добровольного отшельничества, этакое самозаточения. Солнечность, вселённая зелень, река, силуэты моста и башен. И тут же — психо-логический кокон — оконная рама, заграждающая путь на волю. Преддверие свободы — желание самой свободы. Во всяком случае, много красивее.

С этой точки зрения иначе воспринимаются пасторальные сюжеты Алексея Венецианова — его пейзаже существуют будто бы на сцене. В процессе тяжкого труда они плывут в мареве дня, как танцоры, но здесь нет никакого спяженного действия. Лишь сосредоточенное единение всех и каждого. Героиня хрестоматийной "Жаты" смотрит на всё отрешённо, как благодарная сеньора из флорентийского рода. Впрочем, выглядит она ровно так же, а кичка напоминает ренессансный убор. Художник идеализирует крестьянский мир, любитесь им, но до конца не понимает. Это смотро только Передвижники. Точно так же мало сознавали свой народ и прекраснотнущие декабристы, и не ради красного словца потомственный дворянин Ульянов-Ленин сказал, что "страшно далеки они от народа". Они мыслили эталонными формулами, а не реальными фактами. Им было проще стигнуть, чем подумать об итогах. "И память юного поэта / Полглотит медленная Лета", — она смывает всё, кроме настоящего искусства, ибо только оно вечно.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: картина Алексея Венецианова «На жатве. Лето»